

КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ XVII



Рис. Бор. Ефимова

В связи с провокационным убийством третьего советника германского посольства в Париже в Германии прокатилась волна еврейских погромов.

ИДЕЙНЫЙ ПОРЫВ

— Ребята очень довольны, мой фюрер! Они спрашивают, нет ли у нас еще какого-нибудь лишнего дипломата за границей.

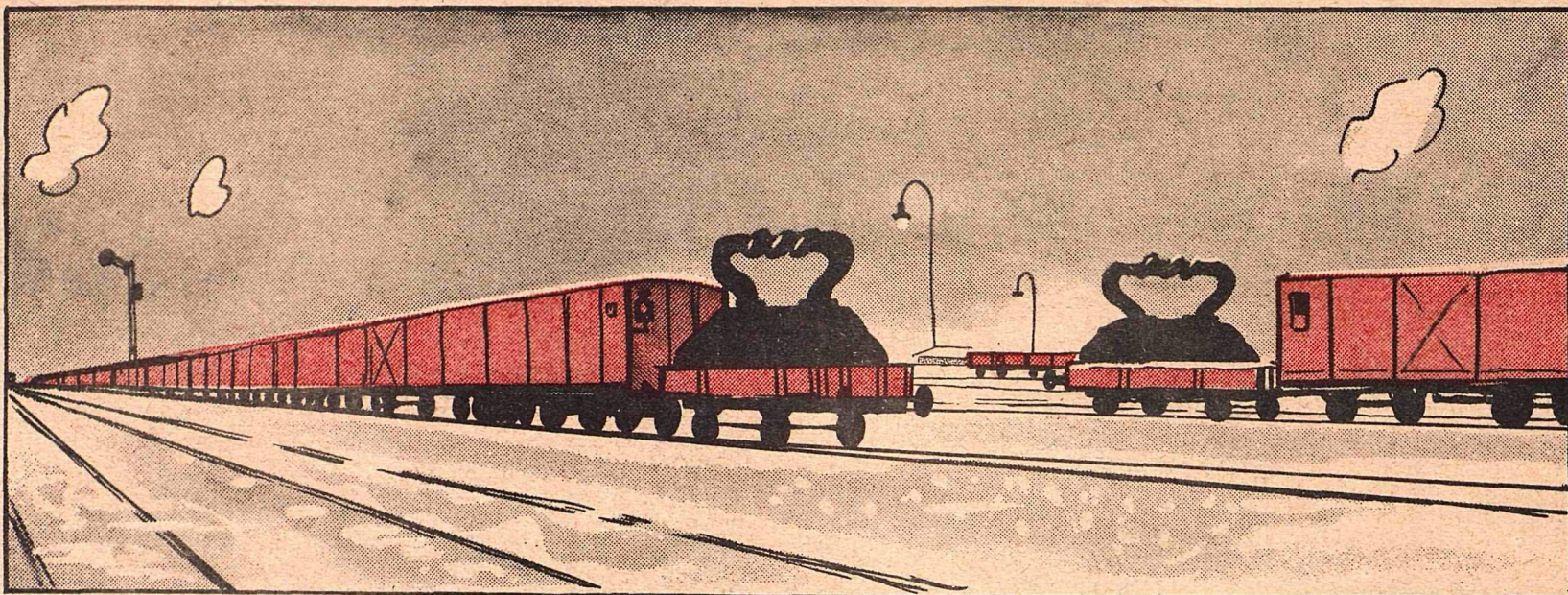


Рис. Л. Бродаты

ПУТИ-ДОРОЖЕНЬКИ НАРКОМТОРГА (К ВОПРОСУ О ВСТРЕЧНЫХ ПЕРЕВОЗКАХ)

- Ты откуда?
- Из Вологды в Керчь. А ты?
- Из Керчи в Вологду.

Письмо профессору

НЕ ВЕРИЛОСЬ, Моргунов, что профессор поставит тебя на ноги. Ни за какие деньги не мечталось! Ведь в ту ночь как ты обжегся — просто на тебе лица не было! Ну — думаем мы — клюква! Ребята начали давить с трех телефонов на заснувшую «скорую помощь», а я звякнул к этому профессору.

— Откуда он пришел к тебе на ум, Зайцев? — осторожно поворачиваясь на койке, спросил выздоравливающий кузнец.

— С объявления! Видишь, что на той стене висит.

Доктор медицины проф. Шур С. Я.
Прочтет лекцию о борьбе
с травматизмом.

— Так и так, — говорю я профессору. — У нас — дым коромыслом. Вы как читающий образованные лекции должны помочь Моргунову. Не надуйте нас, пожалуйста!

Спросонку ученый даже не сообразил сразу. А потом взволновался:

— Раз вышло у вас такое горячее дело, одним духом примчусь.

А через некоторое время сюда, в заводской медпункт, вбежала какая-то стрекоза в халате, накинутом на плечку, и затрещала с места в карьер:

— Я скорая помощь! Где потерпевшее лицо? Почему здесь толпится лишний народ? Пощупала тебя, пощупала «скорая помощь» и брякнула:

— Состояние безнадежное. Может быть, доведем. Давайте перебрасывать больного!

И тут точно, как в аптеке, вошел молодой, очень молодой профессор.

— Ни в коем случае нельзя трогать такого больного, — приказал он, осмотревши тебя. — Пусть остается здесь, а я обеспечу обожженного своим медицинским вниманием.

Сутки не отходил от тебя профессор, а от него — наше заводское начальство. Больше всех рассыпал благодарности директор.

— Что захотите, — сказал он ученому, — все отдам. Только выделите стахановца!

Молодой ученый наотрез отказался слышать о вознаграждении.

Он лечил, а рабочие думали: чем же отбла-

годарить доктора? Я предложил сочинить вот это прочувствованное благодарственное письмо: «Дорогой наш, Семен Яковлевич!

Вы настоящий советский ученый, мастер своего дела, беспартийный большевик, не щадил своих сил...»

— Извините, — вдруг раздался голос профессора, — я невольно подслушал вашу беседу. Право, напрасно вы пишете хвалебные строки. Мой долг...

— Нет, нет, профессор, — горячо перебил Зайцев, — от благодарственного адреса вам не уйти.

— Как-то... знаете, непривычно, — смущенно сказал профессор. — Никто еще так хорошо, искренно не оценивал мой труд. Это вселяет в меня большую бодрость. Спасибо, товарищи!

Профессор пожал собеседникам руки и стал осматривать больного.

После ухода профессора Зайцев стал дочитывать письмо:

«...Вы не только самоотверженно лечили нашего товарища, но и интересовались охраной нашего труда. Благодаря вашим указаниям мы теперь гарантированы от ожогов. Вы, дорогой доктор, вросли в нашу рабочую семью».

Длинное письмо заканчивалось такими словами:

«Мы — кузнецы — единогласно квалифицируем вас почетным кузнецом. Будем вместе с вами ковать счастье для всего человечества».

— Хорошо получилось, — заключил Моргунов. — Адрес надо отпечатать на лучшем образце бумаги, которая бы все сроки выдержала.

— Безусловно, — подтвердил Зайцев. — Сейчас согласую с рабочими и дам подписаться председателю завкома и директору.

Предзавкома завтракал.

— Профессору письмо, говоришь? М-м-м? — громко чавкая, спросил он и стал читать. Его брови изумленно поднялись к сидящим волосам. — С какой это стати ты решил, что профессор сугубо наш? М-м-м? Да еще беспартийный большевик? М-м-м? Разве можно писать такие необдуманные вещи? А что, если этот лекарь, в конце концов, окажется чуждым?!? Что тогда?.. Тогда нам пропишут такую благодарственную ижицу, что...

Вошел директор.

— Над чем трудишься? — спросил он.

— Благодарственный молебен обрабатываю, — мрачно ответил предзавкома и вслух прочитал

послание. — Скажи: считаешь ли ты возможным награждать человека с неизвестным для нас оттенком словами: наш, беспартийный большевик, почетный кузнец, вросли и т. п.?

— Что за странный вопрос! — воскликнул директор. — Конечно, нет! Надо всю рискованную галиматью изъять и написать без задних мыслей!

«Приносим благодарность проф. Шуру за излечение кузнеца Моргунова». Точка.

— Между нами говоря, — проворчал предзавкома, — излечивать входит в обязанность каждого врача; немедик бы вылечил — вот тогда надо удивляться.

— Это тоже глубокая истина, — подтвердил директор и порвал письмо. — Ничего писать не будем, а подкинем профессору тыщонку — и баста. Деньгами не хулят и не хвалят человека, а только возмещают должное.

Директор вызвал бухгалтера.

— Пошлите с нарочным одну тысячу, — приказал он, — к Шуру на квартиру.

Вечером к профессору явился кассир.

— Я с завода, где вы ремонтировали Моргунова, — отрекомендовался он и вытащил из портфеля лист бумаги.

— Вот вы какие! — смущенно улыбаясь, сказал Шур. — Признаться, меня крайне трогает... — он пожал руку кассиру... и бумага пешла к Шуру...

— Распишитесь! — предложил кассир.

— Расписаться?! — изумленно воскликнул профессор. Он взглянул на счет и покраснел. — А-а... — разочарованно протянул Шур. — А я предполагал... Отнесите обратно счет!

Ночью ему не работалось. Мешали какие-то стуки, шум, доносившиеся из-за капитальной стены.

— Ну, чего я расстроился, — сказал вслух ученый.

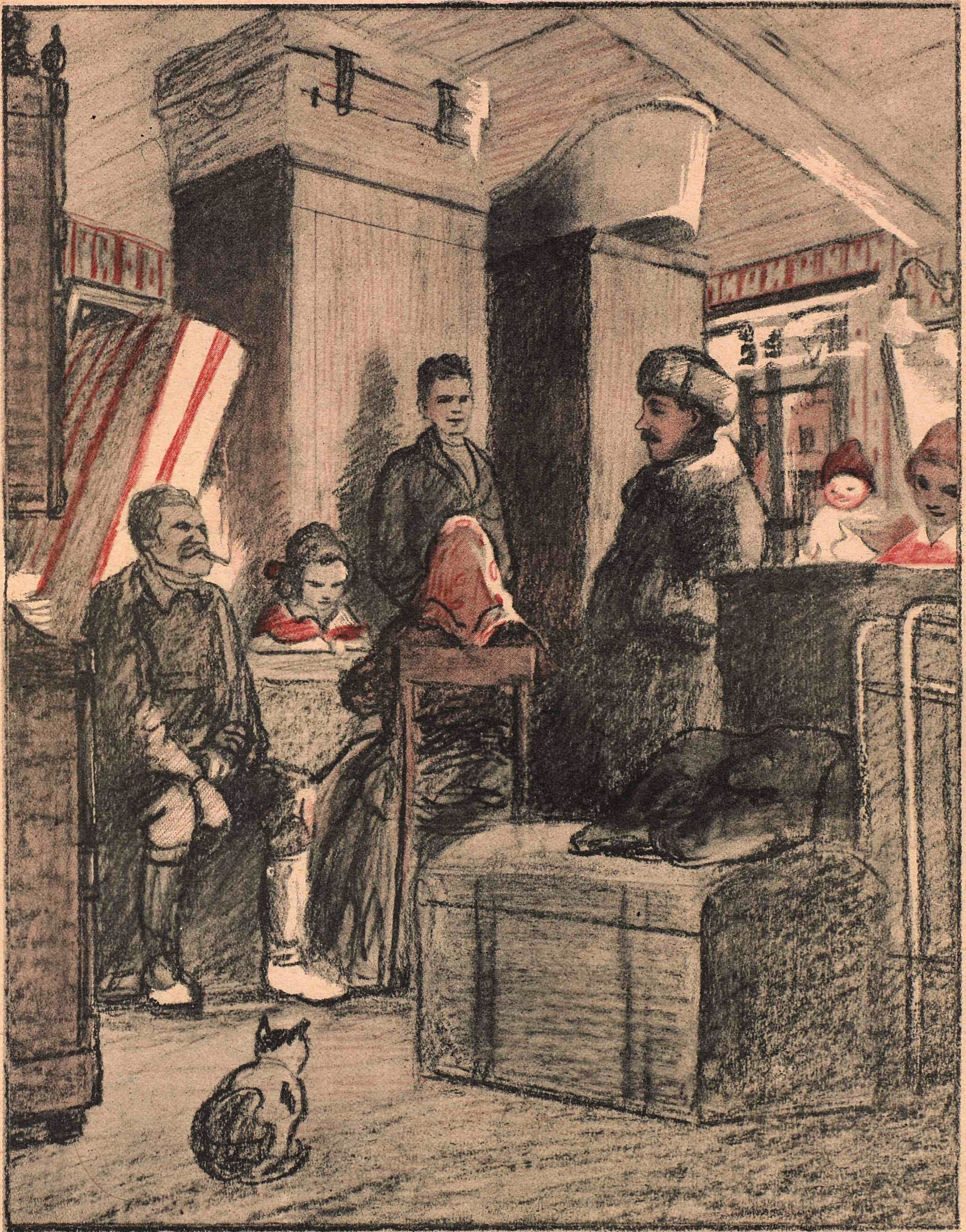
Рано утром он открыл дверь позвонившему управдому.

— Что-то чудное творится, Семен Яковлевич, — заявил управляющий. — Ночью пришла бригада рабочих, отремонтировала котел парового отопления и восстановила бездействующий лифт. Посмотрите: блестит как солнышко!

Я обеспокоился, спрашиваю ремонтников о цене, а они смеются. «У нас, — говорят они, — свои счета с проживающим здесь профессором!»...

БОРИС АГАРОВ

В колхозах не хватает закромов.
Дома колхозников завалены хлебом.



- Непросторно, дядя, живешь.
- И не говори! С каждым годом все теснее и теснее.
- А кто у тебя в остальных комнатах?
- Временно поселились трудодни.

Рис. Л. Бродаты



Рис. К. Рогова

КТО ЖЕ ОПОЗДАЛИ..

- Дед-мороз! Здравствуй! Почему ты одет как дачник?
 — Оpozдал, милоч, купить летом шубу и валенки. Иду из Центрального универмага. Там сказали: „Приходи, дедушка, завтра: сегодня не успели завезти“.

Пробойна

УПРАВДЕЛАМИ треста «Мосзаплатка» с озабоченным видом докладывал председателю треста:

— Уж такая у нас в тресте теснота, такая теснота — дальше некуда... Вчерашний день, например, товарищеский суд разобрал инцидент: помбухгалтера Семячков ударил счетами по носу помбухгалтера Ковякова. Думаете, эксцесс, Павел Павлович? Ничего подобного. Просто — от тесноты: сидят рядом за одним столом и Семячков и Ковяков. Тому понадобились счеты. Он их поднял, а Ковяков не вовремя подsunул лицо, и он ему — ррраз — по левой ноздре!.. А на той шестидневке плановик Масоха чуть не погиб. Зашел человек за справкой в самый конец учетной части. Там между столами проходы — мышшь не пробежит. Масоха — человек тучный. Ну, и застрял.

— Раздвинуть надо было столы, — заметил председатель треста, — коли застрял.

— То-то и есть, что так подогнаны один к другому столы — полчаса отодвигали, пока добрались до Масохи. Освободили, а он говорит: «Теперь, — говорит, — от бедер вниз уже не я. Ничего, — говорит, — не чую».

— Да. Надо что-то сделать. Соедините меня с жилуправлением... Или нет: лучше с нежилуправлением...

Через два дня, вернувшись из этого самого

нежилуправления, председатель «Мосзаплатки» сказал своим помощникам и замам:

— Нам везет. Представьте, в этом же доме, только с того под'езда, из переулка, освободился целый этаж: была там какая-то не то на пятом, не то на четвертом этаже контора Химкоккс и вот — расформирована. Помещение отдают нам. — И прибавил персонально управделу: — Вы бы сходили, голубчик, посмотрели, что там такое...

— Непременно! Конечно!

Управделами вернулся в совершенном восторге.

— Помилуйте! — говорил он. — Целый этаж — 14 комнат. Три капитальных стены, остальные — переборки. Переборки все, натурально, снесем и поставим наново. Стены пробьем и заделаем...

— Это уж, как водится! — откликнулись довольные завья и спрашивали: — Какой этаж?

— У них пятый. А по-нашему, это выходит, кажется, — четвертый: уровни разные. Но мы пробьем вход от нас, а там входную дверь в под'езд с переулка заделаем. Павел Павлович уже распорядился...

Прошло еще несколько дней, и сотрудники треста, придя на работу, услышали страшный грохот: трое каменщиков долбили стену в кон-

це коридора. Это создавался проход в новые владения. Работать под такой грохот было невозможно, что также доставило некоторое удовольствие иным сотрудникам. Каменщики грохотали весь день, но очень медленно отпадали первый слой кирпичей в стене. Каменщики, вспотев до такой степени, будто их облили из брандспойта, охотно откладывали молоты, чтобы объяснить любопытствующим сотрудникам:

— Главное дело — кирпич, он белый. Будь здесь красный кирпич, давно бы уж были там...

Работы по присоединению новых комнат продолжались и на следующее утро. Часам к двум дня множество сотрудников собралось у пробойны, которая была еще прикрыта последним наслоением в полкирпича, по авторитетному определению старшего каменщика.

Распоряжался управделами. Именно его много раз кряду спрашивали работники треста:

— Евгений Николаевич, а куда ведет этот проход? В какую из новых комнат?

— В залу на 40 метров. Будущий наш статистический отдел, — важно отвечал управделами.

— А там сейчас кто-нибудь есть?

— Никого. Химкоккс давно выехал. Ключи у меня... Ну давай, что ли? — обратился управделами к старшему каменщику.

— Это, как прикажете, — отозвался каменщик и мигнул своим соратникам, — раз, два — разом!

Три лома ударили в трех местах, и последние кирпичи упали по обеим сторонам.

Сотрудники треста хлынули к пробойне.

— Позвольте! — взвизнула бойкая сотрудница с утиным носом. — Тут кто-то есть!

И в самом деле, по ту сторону пробойны были люди в белых халатах и шапочках. Они находились в белой же комнате со многими блестящими инструментами и стеклянными шкафами. Короче говоря, это была типичная операционная комната больницы. Более того: на так называемом операционном столе лежал, затылком к пробойне, человек, явно положенный для операции. В наступившей тишине (сотрудники «Мосзаплатки» и медицинские работники молча смотрели друг на друга) больной сказал стоявшей возле него сестре:

— Ну вот теперь, мне лучше... А то все время такой грохот в ушах у меня был... Будто молотки стучали. Я еще думаю: с чего бы это? Хлороформу мне еще не давали... Ведь так, сестрица?..

Тут заговорил врач.

— Что вам угодно? — спросил он. — Зачем вы вламываетесь в операционную?

— А чья это клиника? — ответил вопросом на вопрос управделами «Мосзаплатки», который отгеснил других работников этого треста и первым стоял теперь в пробойне.

— Мы — Красный Крест и Полумесяц.

— Позвольте! Но это помещение отдано нам!

— Вы с ума сошли! Я главный врач, и никому ничего я не отдавал... Сестра, увезите больного: не могу же я оперировать в такой грязи!

— Больного вы увезите, — гневно сказал управделами, — а заодно и сама убирайтесь: данное помещение отдано нам!

— Это вы убирайтесь! Какие нахалы, да еще антигигиеничные: с кирпичной пылью вламываются!

Сцена грозила превратиться в банальную жилищную ссору. Тут вмешалась бойкая сотрудница с утиным носом.

— Извиняюсь, доктор, — любезно сказала она, — а где помещался сам Химкоккс?

— Этажом ниже, — ответил врач и стукнул носком ботинка об пол.

Управделами завьял и стал дергать себя за волосы:

— Боже мой!.. Я же напутал: надо было пробивать наш четвертый этаж и выйти к ним — в пятый... А я распорядился наоборот: из нашего пятого к ним...

— Не к ним, а к нам, — сухо закончил врач. — Так вот что: потрудитесь завтра заделать эту... пещеру. Вы слышите?..

Управделами горестно махнул руками, а каменщики заговорили все вместе с необычайным оживлением:

— Теперь, выходит, эту дыру нам же опять и заделывать — раз! И второе — новую пробивать! Подвезло нам, выходит...

Управделами отвернулся, и каменщик весело подмигнул своим товарищам.

В. АРДОВ



ИТАЛЬЯНСКИЕ БУДНИ

Рис. А. Каневского

— Ишь ты! Такое большое помещение пустует, а раненых поместить негде.

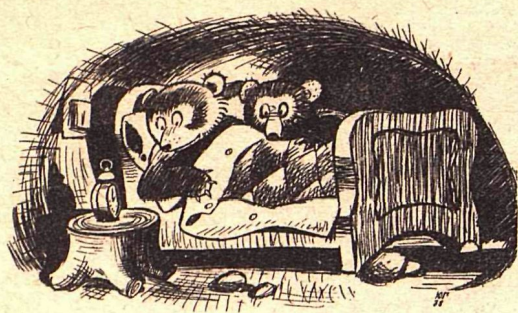


Рис. Ю. Ганфа

ПЕРЕД ЗИМНЕЙ СПЯЧКОЙ

— Как быть? Мы можем из-за этих часов проснуться не весной, а осенью...



Рис. Ю. Ганфа

Уместная предосторожность.

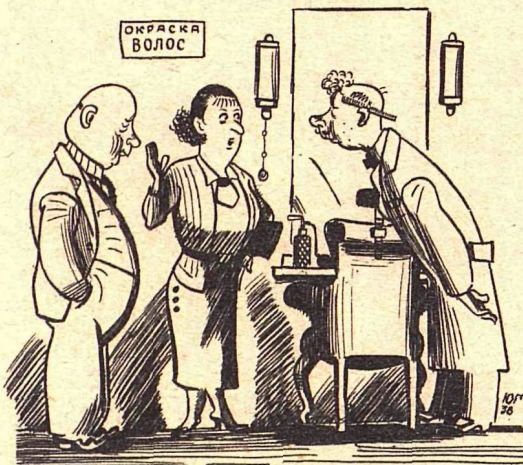


Рис. Ю. Ганфа

ПРИМАЗАЛСЯ

— Моей жене, пожалуйста, окрасьте волосы, а мне нарисуйте.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ВОПРОС ПО СУЩЕСТВУ

Сидя в аудитории в ожидании лекции известного писателя бледный на вид маленький человек крайне нервничал. Он ерзал на стуле, и то и дело поглядывал по сторонам. Наконец, встал и, обратившись к присутствующим, громко сказал:

— Есть здесь кто-нибудь, кто может назвать себя истинным христианином?

В другом конце зала встала женщина:

— Я считаю себя истинной христианкой.

— Не будете ли вы так любезны, сударыня, поменяться со мной местами? Здесь ужасный сквозняк!

(«Литера дайджент»)

ДВАДЦАТЬ пятого октября текущего года Яков Рубин, закройщик ателье мод, ушел в отпуск. Ему предлагали путевку в Боржоми, Анапу, Алушту, но Яков Семеныч подумал, поколебался и сказал:

— Нет!..

Он уж дважды бывал у синего моря глубокой осенью.

— Нет,— говорил Яков Семеныч закройщикам,— не поеду. Во-первых, я уж имел это удовольствие. Во-вторых, похожу в Большой театр, в Филармонию. За один такой вечер мне не надо десяти ваших боржомов...

Закройщики думали иначе. Они думали, что музыка не только не полезна Якову Семенычу, но и вредна. В ателье мод есть радиорепродуктор. Случается, что кто-нибудь воткнет в штепсель вилку, и тогда закройщики слушают всякие вещи. Если это агролекция, или советы домашним хозяйкам, или литературный монтаж, то Яков Семеныч работает, как работал: спокойно, художественно. Но если зазвучит Бетховен, Моцарт, Чайковский, то старый закройщик цепенеет, из его рук выпадают мелок и ножницы, лицо Якова Семеныча становится невыразимо печальным. Неведомо, что тогда играл оркестр; закройщикам запомнилась лишь нежная зовущая скрипка. Вдруг они услышали глухой прерывистый кашель. Это старый закройщик хотел пересилить кашлем слезы, но не пересилил: заплакал.

Успокоившись, Яков Семеныч протер очки, взял ножницы, скорбно вздохнул и сказал:

— Когда-то и я это играл...

Тридцать лет назад в Кишиневе Яков Рубин, тогда красивый молодой человек, вел первую скрипку в оркестре. Оркестр играл на свадьбах, праздниках и даже в летнем саду «Ливорно».

Сколько с тех пор утекло воды, сколько пережито печалей, горя, бед!.. Яков Рубин сорвался с железнодорожной платформы, колесо отрезало ногу. Вернувшись из больницы домой, он узнал, что за это время похоронили его отца. Нужда, портняжное ремесло, скитания, война...

— Да,— говорил 23 октября текущего года Яков Семеныч закройщикам,— похожу в театр, послушаю «Евгения Онегина», «Фауста»...

Вечером того же дня в комнате Якова Семеныча всхлипывала старшая сестра его, Мирра Семеновна.

— Боже мой, боже мой!— шептала сестра.— Что-то теперь с Розой? Какой ужас, какой ужас!..

Всхлипывала, страдала и Дина Григорьевна, жена Якова Семеныча.

А зачем плакать, рыдать, страдать, если в письме Розы, дочери Мирры Семеновны, племянницы Якова Семеныча, нет ничего страшного. Ну, грипп, ну, ангина, ну, 38,5 градуса... Так ведь не Африка же это и не горный какой-нибудь пик: там есть и врачи, и кальцекс, и аспирин...

— Нет,— шептала сестра,— ничего, ни-че-го там нет!

Все разговоры клонились к одному: Яков Семеныч получил отпуск; село Нижние Туи, где Роза работает агрономом, расположено в тридцати часах езды от Москвы; пусть Яков Семеныч завтра же отправится туда, устроит там все, что можно.

Яков Семеныч бывал лишь в одной деревне, да и то скорей это не деревня, а дачный городок и называется Малаховкой. Что же касается Нижних Туев, то они, бог с ними, не манили к себе Якова Семеныча. Смутно и холодно было на его душе. Однако дело шло о живом человеке. Может быть, в самом деле с Розой плохо?

На другой день Якова Семеныча провожали жена, сестра, другая сестра и две свояченицы. Все они плакали.

Прошло шесть дней. Из Нижних Туев не было ни писем, ни телеграмм. Дина Григорьевна

и Мирра Семеновна зашли в ателье мод. Старый закройщик Кудимов, узнав, что от Якова Семеныча нет никаких вестей, угрюмо сказал:

— Вот так и погибают люди. Зачем вы его одного пустили?

Прошло еще три дня. От Якова Семеныча и Розы—ни слова. Закройщик Кудимов затряс головой, отвернулся от Мирры Семеновны и печально проговорил:

— Какой был мастер! Эх, какой был мастер!..

— Так что вы думаете?— прерывисто спросила Кудимова Дина Григорьевна.

— Погубили человека, вот я что думаю,— мрачно ответил Кудимов.

Стояла темная дождливая ночь, когда Дина Григорьевна и Мирра Семеновна, полные самых тяжких предчувствий, ехали со станции Вешки в деревню Нижние Туи.

— К школе, значит, вас везти?— спросил возница.

В эту минуту тарантас колыбался подле высокого дома. В окнах ярко пылали лампы, качались тени, все форточки были открыты, и Дина Григорьевна и Мирра Семеновна явственно слышали знакомый голос:

— Голубушка, не вопи! Голубушка, ты же талантлище! У тебя золото, а не сопрано. И не вопи, а дай нежность, мечтательность. Ну, «Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой...» Петрушка, Сема, не вылезайте, чувствуйте меру. Начинаем!..

Войдя в дом, Дина Григорьевна и Мирра Семеновна увидели: у столика сидит крепкая рыжеволосая девушка, в ее руке перо; слева баянисты, балалаечники, гитаристы; за ними парни, колхозники, бородатые люди, они держат ноты, а впереди стоит, зажмурившись и вытянув руки, Яков Семеныч.

Все смотрят на него восхищенно. Вот он взмахнул руками, оркестр запел, рыжеволосая девушка повела сильным красивым сопрано:

«Вся жизнь моя была залогом

Свиданья верного с тобой...»

На лице Якова Семеныча выражение блаженства, восторга, счастья. Глаза его закрыты.

* * *

— Это уже пятнадцатая репетиция,— сказала Роза матери и тете.— В основном опера уже готова. Дядя решил остаться тут на весь отпуск. Да разве вы не получили наше письмо?

Дина Григорьевна и Мирра Семеновна уже давно сидят за столом в квартире Розы, пьют чай, а где-то под окнами, у крыльца, слышится сиповатый голос Якова Семеныча:

— Васенька дорогой, у тебя же лирический тенор! Я твоему тенору цену знаю. Но говорю, и говорю, и говорю: дисциплина для певца— первое дело. Даниле Егорычу наш коллектив вынес порицание. Талант, понимаешь, Васенька, талант должен служить народу со всей честностью. Если сказано, что занятия начнутся в два часа, то будь любезен явиться точно в два часа...

Вася не возражал, не оправдывался и говорил конфузливо:

— Это я без умысла допустил, Яков Семеныч. Прошу извинить.

А Яков Семеныч уже кричал:

— Где же Даша? Воронцова Даша где?

На улице у колодца послышались громкие голоса:

— Воронцова! Эй, Воронцова! Вернись! Яков Семеныч требует.

Роза налила гостям чай и засмеялась:

— Все наши кружковцы уговаривают дядю остаться тут навсегда. И правление тоже уговаривает. А дядя им:

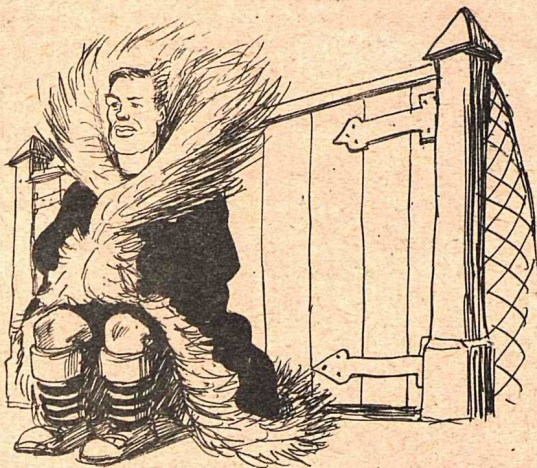
— Остаться—едва ли, а уезжать от вас жаль: какие тут у вас таланты!..

Ал. КОЛОСОВ

Итак — «Спартак»

Рисунки И. Семенова

Дождь завешен горизонт
И лужи на пустынном поле...
А были дни! А был сезон!
Все говорили о футболе.
Кто за команду не болел,
Кто от волнения не белел,
Кто, видя близкую победу,
Локтями не пихал соседа?
Кто не кричал, кто не свистел,
Кто не спешил что было сил,
«Билет у входа» не просил,
Кто не ходил на стадион,
Футболом не был увлечен,
Кто в эти дни бывал спокоен,
Тот сожаления достоин!
В уме мы воскрешаем снова
Картины схваток, счет голов...
И для приветственного слова
У нас едва хватает слов.
ИТАК — «СПАРТАК».



Это второй представитель защиты,
Опытный сторож — бек Соколов.
Во время дежурства ворота закрыты
Для всех — и особенно для голов!



Художник и скрипач Семенов,
Студент и футболист Семенов,
Гроза чужих ворот Семенов...
Не зря в команде чемпионов.



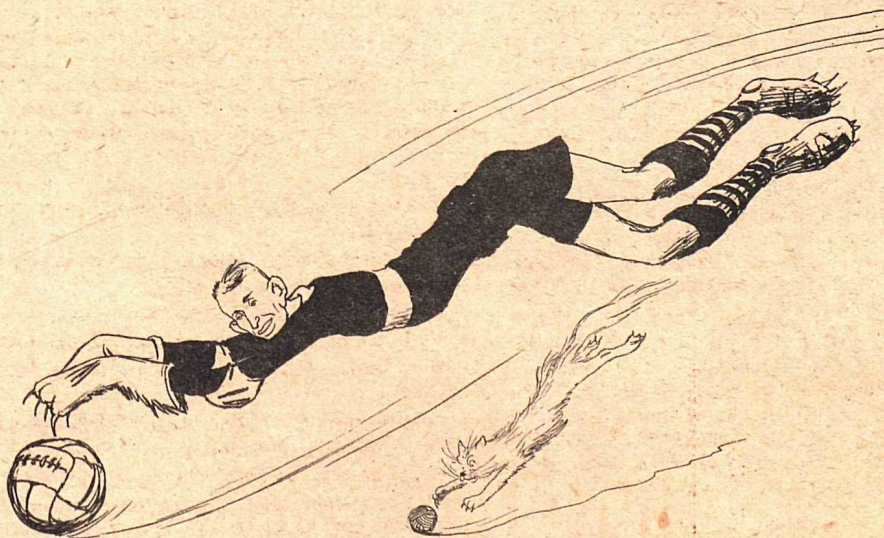
Хоть он совсем не знал морей
И не изъездил океанов,
Но все же Старостин Андрей
Один из лучших капитанов.



От него не закроешь ворот:
Незаметный один поворот,
И игра начинается заново.
Убережись от «Спартака»
Удастся командам... Пока
Не пустили к воротам Степанова.



Он уже Артемьев — пятый,
Футболист — другим под стать,
А в семье еще ребята
Начинают подрастать!

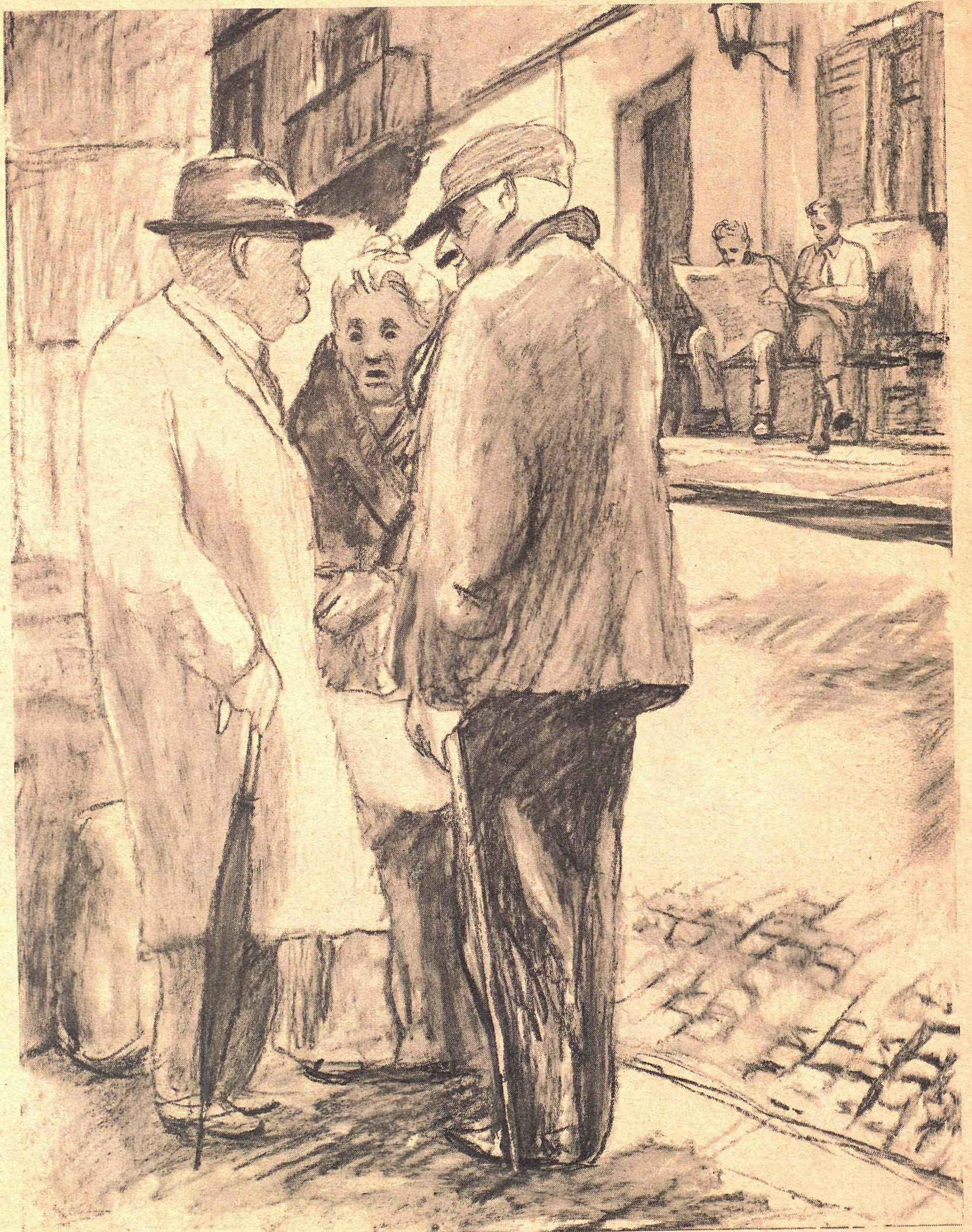


Летит, как кошка за клубком,
Летит, как коршун за добычей,
И мяч хватать одним рывком

Его голкиперский обычай.
Едва ли спросят: «Кто таков?»
По хватке видно, что Жмельков.

Дождь завешен горизонт
И лужи на пустынном поле.
Но были дни!.. Но был сезон!..
Мы вспоминаем о футболе.
И в память схваток и побед
Сильнейшим нашим футболистам
От всех болельщиков привет!
Привет

от ОЛИВЕРА СВИСТА



С ДИПЛОМОМ...

Рис. Л. Бродаты

— Давно ваши дети, герр Мюллер, слоняются без дела?
— Да, с тех пор как окончили университет.

Как во городе было, во Казани...

Наркомпрос РСФСР не сумел
добиться перелома в работе школ.

ПИСАНИЯ этих батальных сцен на полуистлевших страницах сочинений прославленного историка Казанского ханства Хисам-мудина, сына Шереф-эд-дина, нет. «Изложения болгарских повествований» были написаны им задолго до этих событий.

И в древнем сборнике стихов и песен поэтов и певцов Казанского ханства «Шагир Булгар Газыларз» не воспето мужество воинов в этой битве.

И в замечательных сказаниях о башне Сюмбеки, легендарной башне казанского кремля, не содержится рассказов о воинственном пыле и бесстрашии отважного предводителя этих боев и его верных соратников.

Сражение это разыгралось под древними стенами казанского кремля не в дни побед и поражений хана Улу-Мухаммеда, того, который основал в XV веке Казанское ханство. И даже не при хане Ядигаре. Том, при котором в XVI веке пала Казань пред натиском войск Ивана IV.

Разыгралось это сражение несколько позже.

Точнее, в наши дни.

Еще точнее, в октябре 1938 года.

Войска в бой вел сам Анитуллин-богатырь.

Свой ультиматум агрессор предъявил противной стороне в конце сентября.

Дипломатические переговоры и вмешательство дружественных сторон к желаемым результатам не привели.

— Мира быть не может! — воскликнул бесстрашный Анитуллин и 4 октября 1938 года при братской поддержке мудрого Перова возглавил продвижение войск на территорию противника.

В сей исторический день поликлиника верхневолжского водоздрава, уже много лет помещающаяся в Казани, в доме № 5, по улице Островского, огласилась криками сражающихся и стоном больных.

— Не отступать! — командовал Анитуллин и отдавал все новые боевые приказания своему верному соратнику Красильникову.

Торжествующие победители захватили среди пациентов больницы 16 пленных и, наскоро рассовав их в заранее приготовленные машины скорой помощи, умчали в разных направлениях. На месте происшествия остались лишь двое тяжелобольных. Великодушный Анитуллин милостию сжалился над ними: передвижение могло подорвать еле теплящиеся их жизни.

В захваченные больничные палаты на другой день начали вселяться новые жильцы — артисты и сотрудники казанского гортеатра.

Больной малярией Елизаров, доставленный по распоряжению Анитуллина во 2-ю инфекционную больницу и положенный там вместе с дизентерийными больными, в этот день из больницы выписался с температурой 40°.

— Уж лучше мучиться от малярии, чем умирать от дизентерии, — решил он.

В здоровье больных Сергеевой, Белякова, Мухаметзянова улучшения в этот день тоже не наблюдалось. После ночи, проведенной на носилках в коридоре 4-й областной больницы у разбитого окна, они почувствовали себя почему-то хуже...

А руководители поликлиники в этот день бегали по учреждениям Казани, стучались во все двери. Но двери не отверзлись.

Ни в казанском городском совете.

Ни в казанском горздравотделе.

Ни в прокуратуре Татарской республики.

Потому что Анитуллин, возглавивший этот дикий произвол, является председателем казанского городского совета.

Потому что Красильников, с восторгом выполняющий приказания своего непосредственного начальства, заведует казанским горздравотделом.

Потому что прокурором Татарской республики является Перов, любовно приветствовавший беззакония Анитуллина.

Может быть, помещение больницы и в самом деле следовало передать под квартиры артистам гортеатра. Не знаем. Выдавать ордеров на право занятия жилплощади не собираемся.

Но обращаться с больными так, как это заведено в Казани, не рекомендуем. Больных следует лечить. На то они и больные. Да и здоровые тоже предпочитают другое обращение. Это мы знаем. Твердо знаем.

И удивляемся, почему подобную простую истину до сих пор не усвоил воинствующий Анитуллин.

...Мир праху твоему, славный Хисам-мудин, сын Шереф-эд-дина! Но ты рано ушел из мира сего: портрет Анитуллина смог бы только украсить твои сочинения.

Е. ЕФРЕМОВ



Рис. Н. Радлова

БЕЗ ПЕРЕМЕН

— У вас, кажется, сейчас большая перемена?
— К сожалению, дяденька, пока никакой.

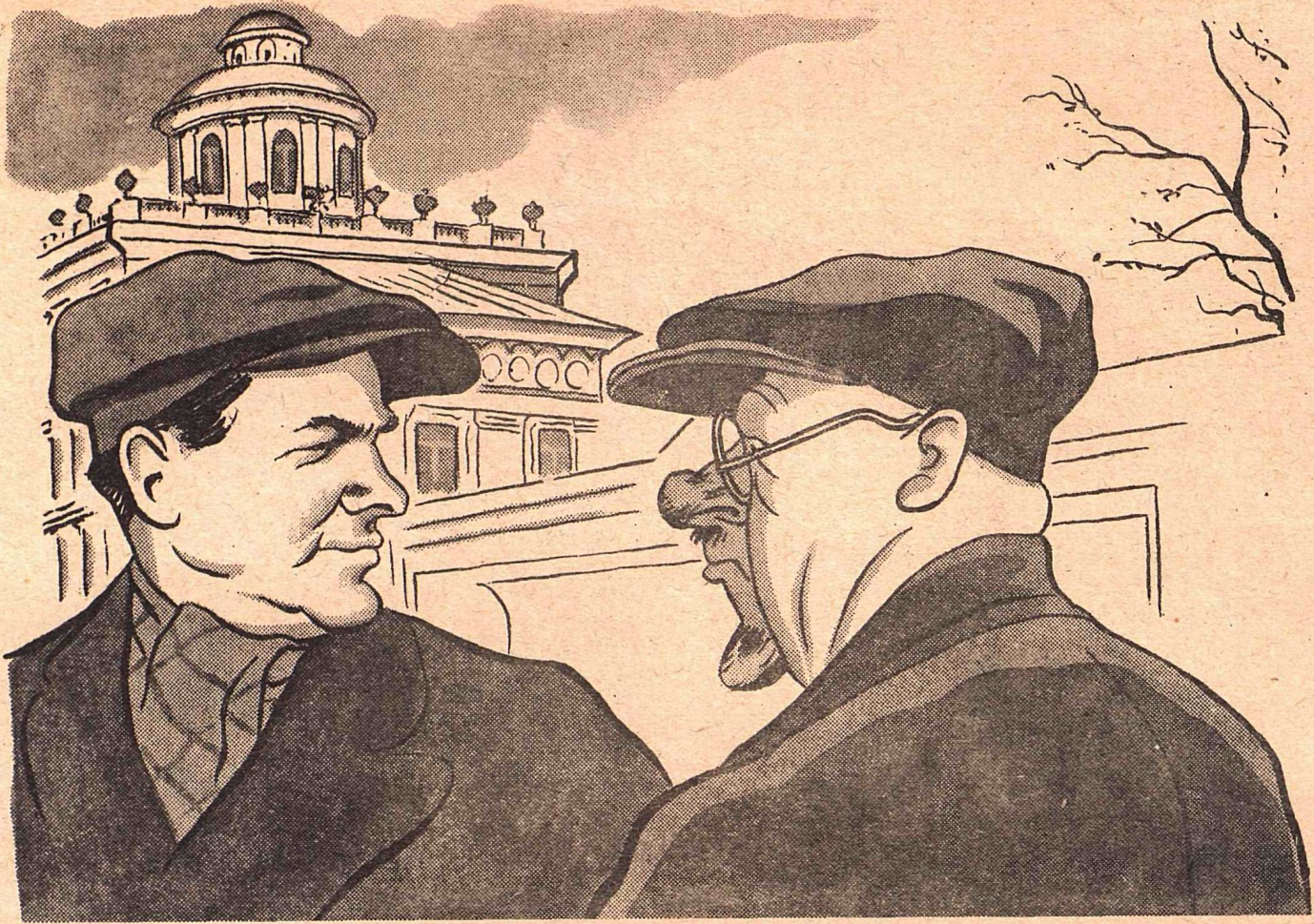


Рис. Бор. Ефимова

ЗНАТОК СВОЕГО ДЕЛА

- Я на пятьдесят втором году жизни впервые читаю Маркса.
- А раньше Марксом не интересовались?
- Как не интересовался! Я все время писал о марксизме.

Испытанные остряки

УСЕРДНО гудел патефон, молодежь без усталости танцевала, а поодаль, за белыми скатертями, расстеленными прямо на траве, развлекались старички. Они вспоминали молодость, пели, шутили и чокались за новую жизнь, за новые песни, за своих хороших, славных детей.

В самый разгар веселья на поляне показался здоровенный парень с унылым, постным лицом. Он вел за собой на буксире баяниста.

— Затеяник пришел, — сказал упавшим голосом кто-то из танцующих.

Затеяник с хозяйским видом прошелся взад и вперед и приступил к делу:

— Внимание, товарищи! Сейчас мы проведем вместе с вами несколько развлекательных мероприятий. Молодежь, па-прашу в круг! Старички, старички, будьте сознательными, включайтесь!

Он кивнул через плечо, и баянист, окинув скупящим взглядом окрестности, грянул «польку-кокотку».

— Внимание, товарищи! Повторяем вместе со мной: раз, два, левой! Три четыре, правой! Товарищи, не мешайте работать, прекратите индивидуальные танцы!

Веселье на лесной поляне быстро угасало.

Его последние искорки еще кой-где вспыхивали нерешительно и робко, но после шестого развлекательного мероприятия и они потухли. Кругом водворилась прочная зеленая скука.

— Ну, теперь все, — сказал затейник, делая знак своему оруженосцу с баяном. — Сеанс окончен. До свиданья, молодежь и старожилы!

Кончился отпуск, промчалось лето. И вот, наш опыт знакомства с организаторами «массовых культурных развлечений» пополняется новыми данными.

Дело происходит в Мариуполе. Теплый осенний вечер плывет над морем. В городском парке культуры и отдыха веселый карнавал. Хорошо вмешаться в толпу масок, в это шумное веселье... Но подождите! Вы еще не знаете, что эти ваши чувства и настроения были заранее предусмотрены дирекцией парка. За несколько дней до карнавала дирекция проводила ответственное, деловое совещание.

— Итак, товарищи, вопрос ясен, — говорил докладчик — Мы должны возгласить веселье наших потреби... то есть посетителей, и насытить его элементами яркого остроумия. Я предлагаю организовать на карнавале клуб испытанных остряков и провести конкурс остроумия! (Аплодисменты.) Для этой цели мы заказываем в типографии листовки со специальными вопросами, на какие участники конкурса обязаны дать остроумные ответы. (Голос с места: «Зачитайте эти вопросы!»)

— Пожалуйста. «Что ты ржешь, мой конь ретивый?» (Смех.) «Кто в лес? Кто по дрова?» (Смех, рукоплескания.) «Зачем ты меня целовала?» (Всеобщее оживление в зале.) «Сколько вас, куда вас гонят?» (Гомерический хохот, взвизги на местах: «Ой, не могу, уморил!») Вот наше первое мероприятие. Есть еще какие-нибудь предложения?

— Разрешите! Я предлагаю опечатать такие остроумные переходящие мандаты: «Предъявитель сего имеет право требовать от любой маски, чтобы она угостила его мороженым, стаканом лимонада или газированной воды без сиропа». После угощения мандат переходит к угощавшему, и последний, в свою очередь, требует угощения от какого-нибудь еще не угощавшего.

— Bravo! Очень хорошо!
— Товарищ председатель, у меня тоже есть

предложение. Я питаю опасение, что некоторые молодые люди придут на карнавал со своими девушками и у нас образуется резкое преобладание стационарных пар. (Голоса с мест: «Правильно! Это надо предотвратить!») Так вот я предлагаю опечатать такие удостоверения: «Предъявитель сего действительно является самым красивым и самым умным человеком в мире, что подписями и приложением печати удостоверяется». Обладатели таких удостоверений смело подходят к злостным парам, предъявляют удостоверение девушкам и, кивая на их кавалеров, говорят: «Бросьте, прекрасная маска, этого тюфяка! Я самый умный и красивый человек в мире!»

Предложение принимается единогласно. Вышеуказанные листовки и еще ряд других столь же «остроумных» заказываются в типографии, печатаются солидным тиражом, и виза мариупольского горлита скрепляет сие вдохновенное творчество...

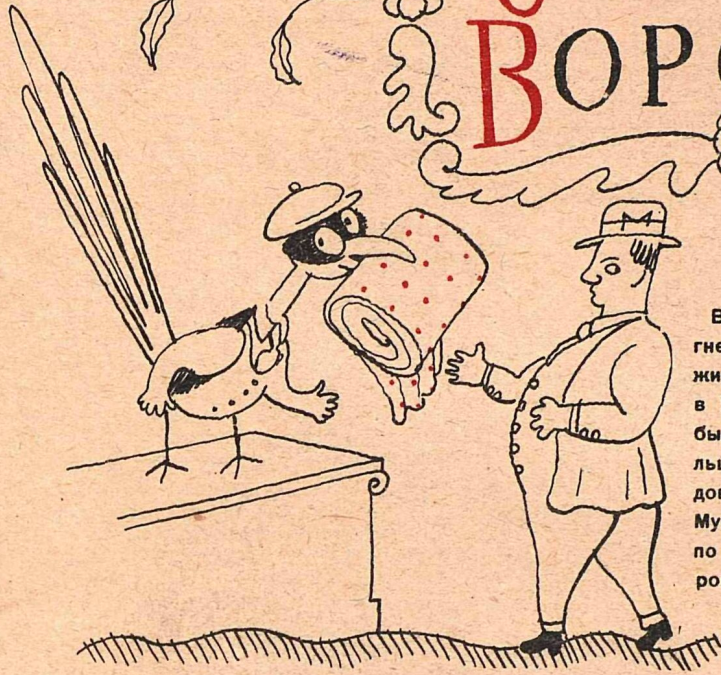
А вернувшись домой, вы обнаруживаете в кармане пиджака кем-то незаметно всунутое «удостоверение». Это — последнее прости парковых остряков:

«Дано сие предъявителю сего в том, что он храбро побил в неравном бою попугая, вышел сухим из воды, а также с невероятным трудом преодолел страшные джунгли и детскую горку, вследствие чего означенному победителю разрешается вернуться домой... Начальник штаба веселий и хохотов»(!).

Мариупольскими остряками, видимо, руководили самые хорошие намерения. Но у них, бедняжек, не нашлось самого основного — дара вызывать «веселий и хохотов».

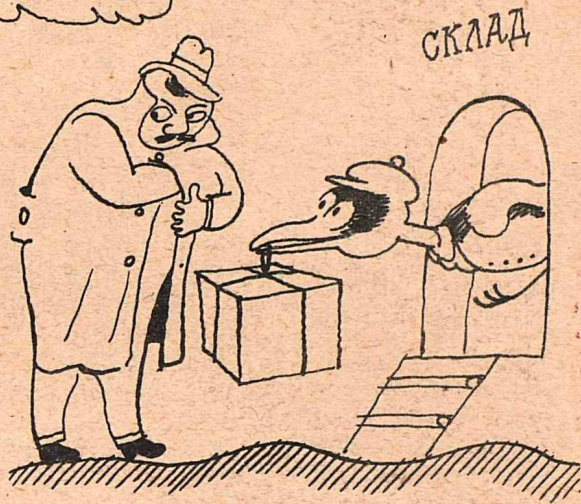
МИХ. ЛЬВОВ

СОРОКА-ВОРОВКА

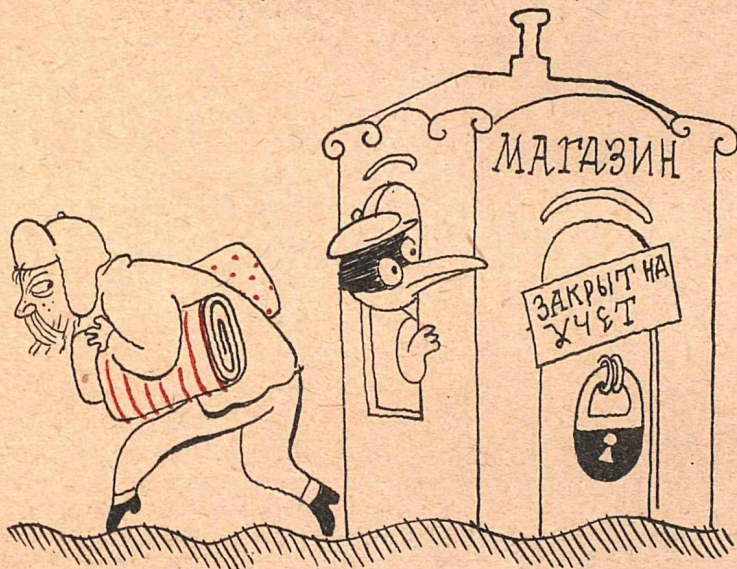


Этому дала (двоюродный брат!).

В некоем теплом гнездышке, в Дзержинском универмаге в Москве, жили-были продавцы-удальцы: Фридман, Пудовкин, Кранкин и Мухин, лихая шайка по прозванию „Сорока-Воровка“.



Этому дала (начальство!).

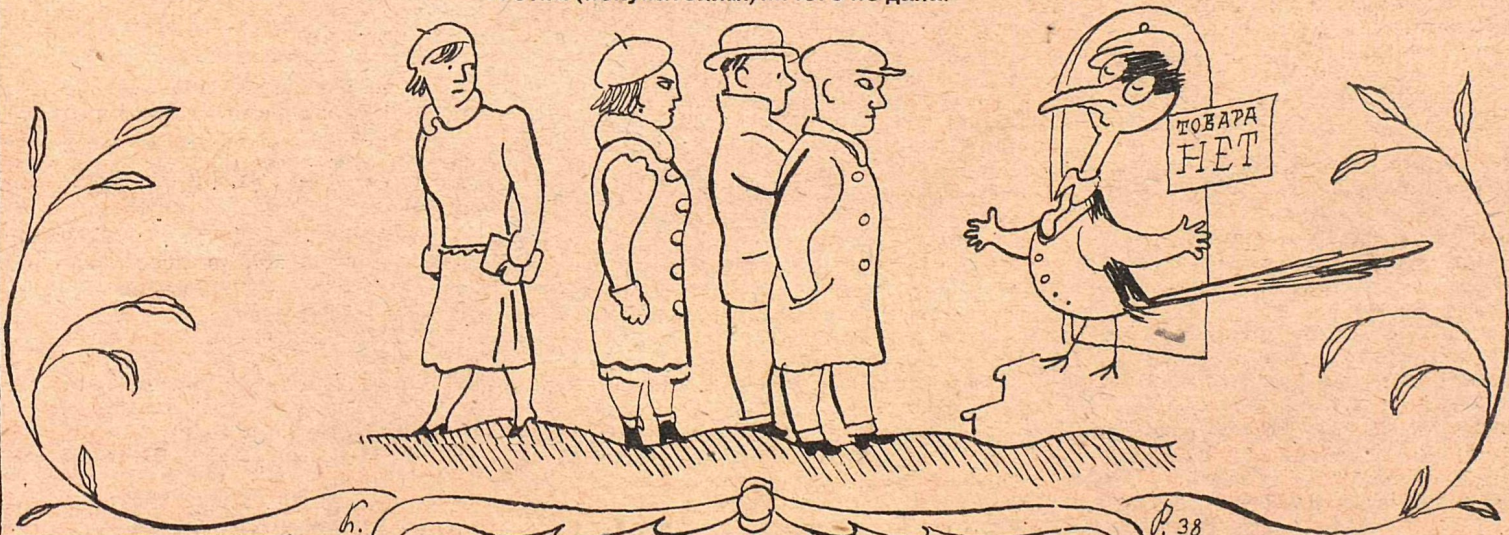


Этому дала (дяденька-спекулянт!).



Этой дала (тетенька-спекулянтка!).

А этим (покупателям!) ничего не дала.



Вот и попалась Сорока-Воровка.

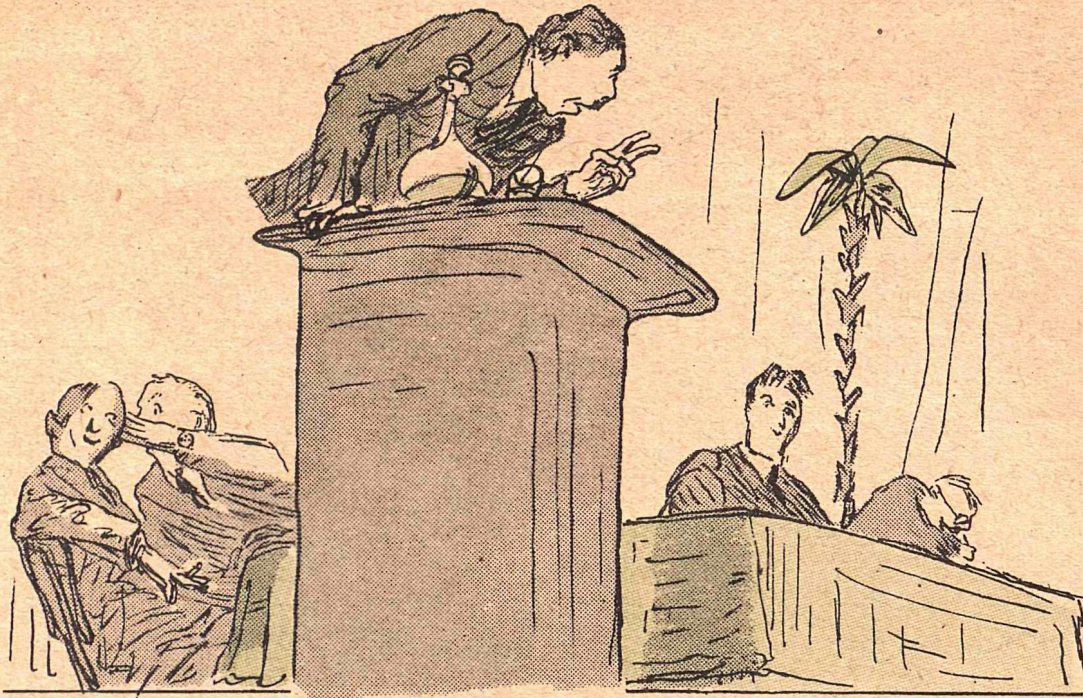


Рис. В. Горьева

— Что это? Он обычно в два часа „уложиться“ не может, а сейчас просит слова на две минуты.
— Да у него отчет о работе с интеллигенцией.

Артист

ЗАХАР Петрович Кукушкин смеялся всего два раза в жизни. В первый раз это с ним произошло в тридцать первом году, когда он обнаружил в какой-то брошюре по бухгалтерии гомерически смешное утверждение, что группа статей, отражающих размещение средств в хозяйстве, называется пассивом, в то время как даже любому младенцу ясно, что указанная группа статей носит название актива. Второй случай произошел совсем недавно: из комнаты Кукушкина послышался смех, но подоспевшие соседи так и не выяснили причины этой вспышки разнузданного веселья.

Захара Петровича все уважали за его необычайную серьезность, а Поля Звягина, лекальщица с тормозного завода, называла своего соседа «лорд хранитель печали».

Вечером шестого ноября Захар Петрович пришел к Поле.

— Полечка,— тихо сказал он,— я вас очень прошу разбудить меня завтра в восемь часов.

— Хорошо,— сказала Поля и так ласково посмотрела на Захара Петровича, что тот нашелся и лихо пошутил:

— А то, вы знаете, я могу так проспать и до четверти девятого,— и, уже совсем развеселившись, на грани улыбки, добавил: — Вы, Полюшка, Поля...— и вышел.

Под утро Захару Петровичу приснилось, что все сотрудники его отдела ходят гуськом вокруг его стола и громко хлопают над ним канцелярскими счетами, а главный бухгалтер почему-то смеется и говорит женским голосом: «А ну вас, с вами опоздаешь!» Захар Петрович открыл глаза и одновременно услышал стук наружной двери. Он встал, набросил на плечи халат и выбежал в коридор.

— Полечка,— крикнул он,— подождите меня, вместе пойдём!

Но было уже поздно, Поля ушла. Захар Петрович с досадой махнул рукой и направился к себе в комнату, но, подойдя к двери, обомлел: комната была закрыта! Дверь захлопнулась, и ключи остались в кармане пиджака. Нужно было немедленно догнать Полю и попросить у нее ключ, подошедший и к его двери... В квартире было тихо. Все уже ушли на демонстрацию, и Захар Петрович почувствовал, что он погибает.

— Догнать Полю... Но как? В чем?

Решение пришло незамедлительно. Захар Петрович быстро обошел все соседские вешалки, на которых осталось висеть старое, отслужившее свой век добро.

Захар Петрович надел зеленую дамскую трикотажную кофту, непомерно длинные кожаные галифе, соломенное канотье актера Пильского из второй комнаты и красные сафьяновые, украшенные узором сапоги.

Когда Захар Петрович выбежал на лестницу и вторая уже по счету тяжелая дверь захлопнулась за его спиной, он понял, что мосты сожжены и вход в родной дом заперт двумя замками. Сбежав по лестнице и проскользнув мимо побледневшей лифтерши, Захар Петрович выскочил на улицу.

Колонны празднично одетых веселых людей медленно шли мимо его дома. Когда Захар Петрович устремился по тротуару, вслед ему зашумели аплодисменты.

— Артист! — кричал кто-то... — Из цирка!..

— Это Коко, классный эксцентрик,— заметил высокий молодой человек,— я его знаю.

Захар Петрович не видел ничего вокруг. Он остановился и с надеждой спросил:

— Вы Полечку не видели?

— Не видели! Не видели! — кричали все.—

Просим «полечку»! Гошка, давай! — и белобрысый Гошка заиграл «полечку», а маленькая девушка в розовом берете начала танец, приглашая окаменевшего от неожиданности Захара Петровича. Сначала он хотел было обидеться,

но, взглянув на веселые лица окружающих его людей, понял, что всем этим людям невдомек, что с ним произошла огромная бытовая трагедия с захлопнувшимися дверями. Люди принимали его за кого угодно, но только не за Захара Петровича Кукушкина, и виной всему этому был его необычайный костюм... Тем временем девушка протянула ему руку, и отказаться было уже просто невежливо.

Захар Петрович оглядел свой костюм, лихо щелкнул каблучками сапог и, не переставая разыскивать глазами Полю, с мрачной решимостью пустился в пляс. Это был каскадный, головокружительный танец. Люди восхищенно аплодировали, а высокий молодой человек интригуяще произнес:

— Сейчас у него из-под шляпы голубь вылетит... Я его знаю!

Через час Захар Петрович забыл о ключах, о Поле, о том, что не завтракал и не пил чаю. Новые друзья угостили Захара Петровича бутербродами с сыром и ветчиной. На десерт было предложено ситро и прессованное шоколадное мороженое.

Гремели оркестры и песни. Город, украшенный флагами и полотнищами, был радостным и прекрасным.

На одной из стоянок Захар Петрович добыл бубен и под его акомпанемент проникновенно запел «Ах, зачем ты меня целовала» и в момент яростного отгрыша на бубне, встретился он глазами со своим сослуживцем-бухгалтером, тем самым, которого он видел во сне. Бухгалтер, изменившись в лице, проглотил непогашенную папиросу и от удивления застучал зубами...

На следующей стоянке Захар Петрович приобрел маску с длинным пегушиным носом. Надев маску, он окончательно преобразился. Высокий парень, не отходивший от него ни на шаг, уверял товарищей, что Коко сейчас обязательно достанет из кармана дрессированного пуделя...

На Манежной площади начались танцы. — Мировой у вас затейник! — восхищенно сказала девушка из колонны тормозного завода, и не успела девушка опомниться, как сверхзатейник, эксцентрик и душа общества закружил ее в вальсе.

Когда кончился танец, девушка посмотрела благодарными лучистыми глазами на своего партнера, а ее партнер, отдуваясь и раскланиваясь, снял маску...

Девушка ахнула и всплеснула руками:

— Захар Петрович!!

— Я, Полечка, я!.. — подтвердил Захар Петрович и радостно засмеялся.

Вернувшись домой, Полечка сообщила соседям о том, что сегодня днем она пережила знаменательное и, безусловно, историческое событие.

БОРИС ЛАСКИН

Любовь и папиросы

Мы жили на Арбате,

И у меня сосед

Был истинный романтик

И рядовой студент.

И бегал утром робко

Он за угол в киоск,

Чтобы купить коробку

Дешевых папирос.

Все было очень просто,

А я понять не мог:

Зачем бежать к киоску,

Когда внизу лоток?

В киоске Табактреста

Тихоня и аскет

Облюбовал невесту,

Мой молодой сосед.

Он был настолько робок,

Чтоб с ней заговорить,

Наверно, сто коробок

Пришлось ему купить...

В тот день, когда невесту

Сосед назвал женой,

Она ему сказала:

— Послушай, дорогой,

Простой киоск табачный

Нам счастье принес,

Дарю тебе я пачку

Хороших папирос.

И он, слегка смущаясь,

Сказал: — Благодарю,

Спасибо, но признаюсь:

Я вовсе не курю.

ГЕОРГИЙ РУБЛЕВ

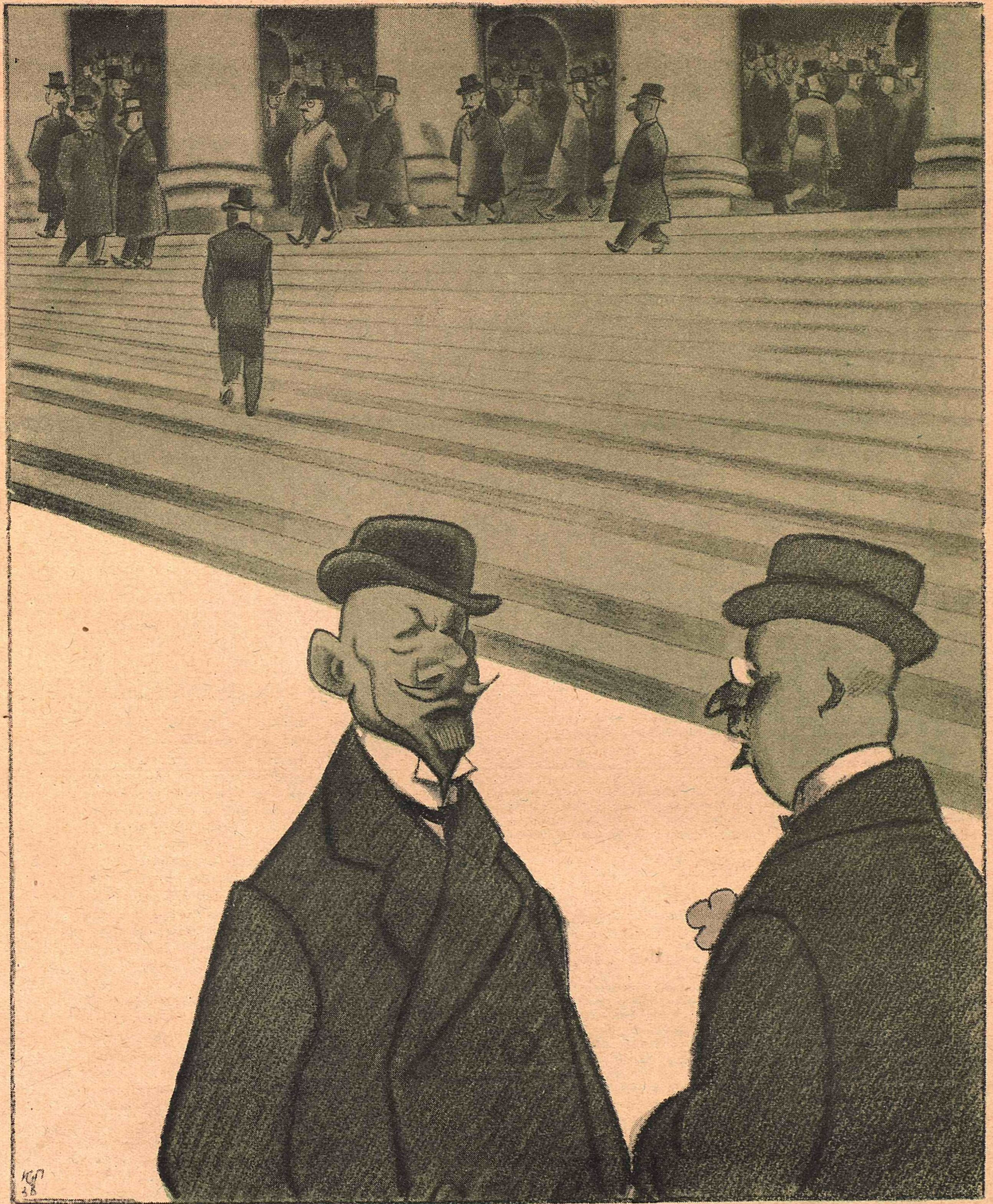
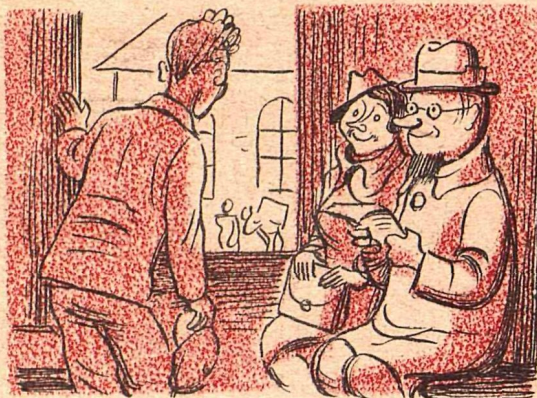


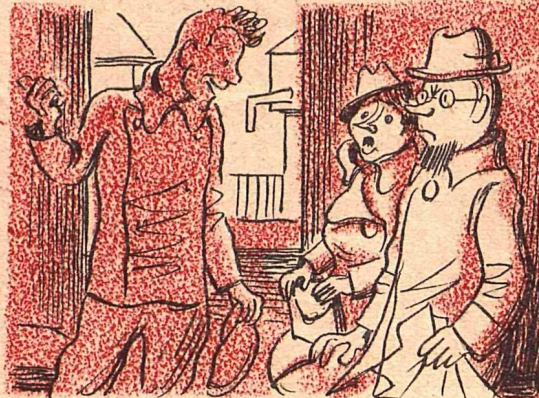
Рис. Ю. Ганфа

«ПАТРИОТЫ»

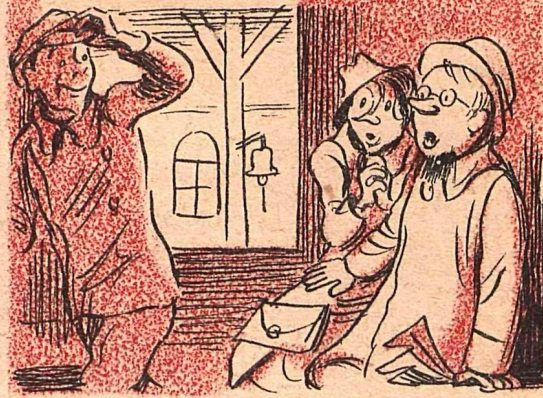
— Немцы как-никак требуют только нашу территорию, в то время как наши рабочие могут нагло потребовать наши прибыли.



— Эге, никак Торжок! Пойду, проведу свою жену.
— Какой милый молодой человек!..



— Ну, вот и Кувшиново! Будьте добры, посмотрите за вещами, смогаюсь на минутку, здесь меня жена ждет...
— Вот тебе и милый молодой человек!..



— Эге! Уже Селижарово! Не откажите за багажом посмотреть. У меня здесь с женой свидание назначено — ?!

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

СЕРЬЕЗНЫЕ МУЖЧИНЫ

Все фамилии здесь указываются подлинные. За исключением одной. Фамилию шофера мы заменили условной литерой. А почему такая разница, будет ясно из дальнейшего.

Начальник одного из цехов Магнитогорского металлургического комбината Борисов, профорг этого цеха Еремин и представитель от комсомола Лопатин долго и усердно совещались по поводу нарушения трудовой дисциплины шофером Н. А посоветовавшись, обратились к начальнику автотранспорта комбината с просьбой. Просьбу эту они изложили на бумаге. Значилось в бумаге, между прочим, следующее:

«Совещание решило обратиться к Вам с ходатайством о замене нетолько тов. Н., а и остальных шаферов женщин на мужчин.»

Дальше следовали собственноручные подписи указанных серьезных мужчин...

Теперь, полагаем, все ясно. Разницу в обращении с фамилиями мы сделали потому, что и поступки всех действующих лиц требуют различной оценки: действия шофера Н.— одной, Борисова, Еремина и Лопатина — другой. А какой именно, разберутся на месте. Партийные и профсоюзные организации разберутся.

МОСТ

Маяковский острит:

— Что такое мост? Приспособление для простуд.

Что касается Окского моста в городе Горьком, то на этом приспособлении одной простудой не отделаешься. Окский мост предназначен для автомобильных аварий и ломки ног пешеходов.

А ведь построен он всего лишь в 1933 году. Но за 5 лет безобразной эксплуатации его разбили вдрезг.

Сейчас на мосту ежедневно происходит по 5—6 провалов настила и шашек. Торцовая мостовая покрыта душераздирающими ухабами.

Хозяин города — горьковский горсовет — сильно озабочен печальной судьбой Окского моста. Он поручил прокурору разыскать «виновников, доведших мост до аварийного состояния (неиспользование отпущенных в 1937 году 500 тысяч рублей на ремонт Окского моста)».

А зачем, собственно, тревожить прокурора? Стоит лишь горьковскому горсовету «на себя оборотиться», и виновники, доведшие мост до «аварийного состояния», будут найдены.

ВООБРАЖАЕМАЯ СИТУАЦИЯ

Воображаем, что произошло бы, если бы М. М. Крейнеса потерял свою кандидатскую карточку. Наверное, Днепропетровский горком КП(б)У не оставил бы так этого дела и всеми доступными ему средствами разъяснил бы Крейнесе всю антипартийность его проступка. Наверное, Крейнеса вызвали бы в горком. Может быть, сам секретарь тов. Задюченко в прочувствованных выражениях сделал бы Крейнесе соответствующее внушение.

Но Крейнес кандидатской карточки не терял. Наше воображение разыгралось, так сказать, впустую. Больше того, подобная ситуация сама по себе невозможна. Хотя бы потому, что вышеуказанный горком до сих пор не выдал вышеуказанному Крейнесе упомянутой карточки. Еще год назад первичная парторганизация и Амур-Нижнеднепровский райком КП(б)У приняли бухгалтера Госбанка, активного комсомольца с

четырнадцатилетним стажем, М. М. Крейнеса в кандидаты партии. И ровно год Крейнес не может оформить свои партийные документы: Днепропетровский горком сам ухитрился потерять анкету Крейнеса.

А так как горком — не Крейнес, то делу о пропаже документов хода не дали. И никакого разноса тов. Задюченко никому не устроил. И никаких таких прочувствованных выражений не употребил.

Лев и мартышка

Случилось как-то льву к мартышкам забрести.

Мартышек охватило ликование —

И поднялась возня!

И начались кривлянья!

Чтоб гостю именитому польстить,

Мартышки дружную гурьбой

С большим усердием и презабавной миной

Пустились подражать наперебой

И львиной мощи и повадке львиной.

Могучий лев для смеха и забавы

Кричал мартышкам: «Браво! Браво!

Искусством вашим я пленен, друзья...»

Но быстро заскучав в крошечном этом шуме,

Покинул лев ученых обезьян.

А года через три попал в беду и умер.

Тогда мартышка бойкая одна

Решила щегольнуть знакомством старым:

Порылась в памяти она

И принялась за мемуары.

О жизни льва мартышка пишет

И день и ночь не покладая рук:

«Великий мой собрат,

Мой незабвенный друг,

Ничем не отличался от мартышек.

Бывало, мы, собравшись все в кружки...»

И в этом роде вновь и снова

Припоминала визг, ужимки и прыжки,

О льве, как таковом, не проронив ни слова!

Когда прочтешь журнал, брошюру или книжку,

* * *

Где автор, прославляя имена,

Стремится в муху превратить слона,—

Читатель, вспомни про мартышку!

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ



— Никак Торопец! Простите, спешу. Неловко женщину заставлять ждать!..
— ???!

— Ну, вот и приехал! Сейчас жена с работы сменится, домой поедет. Будьте здоровеньки...
— ???!!!

— Петя! Оказывается, его жена — машинист нашего поезда.



Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Недавно заведующий Байрам-Алийским отделом народного образования Николаев разослал всем предприятиям и учреждениям района предписание «немедленно наметить культармейца для ликвидации школ малограмотных и неграмотных».

Мне непонятно: зачем для подобной разрушительной работы Николаеву требуется культармеец? Помоему, ее может легко выполнить и сам заведующий райОНО. При наличии собственной малограмотности ему это сделать совсем не трудно! Наоборот, наладить работу школ по ликвидации неграмотности и малограмотности при таком стечении обстоятельств он вряд ли сумеет...

Э. АЙДОГДЫЕВА,

депутат Верховного Совета СССР,
г. Байрам-Али,
Туркменской ССР

Товарищ Крокодил!

Тебе, наверно, не приходилось слышать, чтобы люди жаловались на высокие заработки. А вот мне из-за этих самых заработков приходится отказываться от самой заветной мечты — учиться.

Я мастер-бурильщик, председатель цехового комитета угольщиков, член шахтного комитета союза. И в забое и в профсоюзе работаю честно и добросовестно. Решили на шахте послать меня за это на курсы профработников.

Но радость моя была преждевременной. Стоило заместителю пред-

седателя ЦК союза тов. Стоянову увидеть справку о моей заработной плате, как в приеме на курсы мне отказали. Поскупались платить мне высокую стипендию!

Зарабатываю я, действительно, немало: 900—1000 рублей в месяц. Может быть, это и в самом деле не деликатно по отношению к ЦК союза, но ведь учиться-то мне хочется!

Так что жалуюсь тебе, Крокодил, на высокий заработок, а заодно и на мудрецов из ЦК союза угольщиков Донбасса.

М. СЕКАЧЕВ,

бурильщик шахты имени Артема,
Шахтинский район,
Ростовской области

Товарищ Крокодил!

Я попросил у своего приятеля папиросу. А он дал мне спички.

— Мне папиросу нужно, — говорю я.

— Все равно. Возьми спички. Ведь выдало же правление колхоза «Первенец севера» своим колхозникам бычков вместо телок, — ответил мне приятель.

Таким доводом приятель сразил меня на месте. Я даже забыл о желании закурить и сел писать тебе письмо. Скажи мне, дорогой Крокодил, неужели мой приятель прав? Неужели все равно: что папиросы, что спички?

А что касается колхоза «Первенец севера», то там так и было. Решив ликвидировать бескорольность среди колхозников, предколхоза Земляничкин, парторг Изотов

и заведующая молочно-товарной фермой Ухова наделили колхозников М. А. Красавина, Н. Н. Власова, И. П. Балдина, Н. В. Запанкова, В. Н. Воробьева и Г. И. Гладышева бычками.

В. КРАСАВИН,

участковый зоотехник.

Филисовский сельсовет,
Усть-Кубинский район,
Вологодская область

Дорогой Крокодил!

Посоветуй, пожалуйста, заместителю заведующего Свердловским областным здравотделом тов. Калиновичу подзаняться арифметикой, в которой он, по всем признакам, слаб.

Посуди сам. Мы получили от него телеграмму, состоящую из 79 слов. Она начинается так: «Всем райздравом кроме...» Перечисление райздравом, которым не надо посылать эту телеграмму, занимает 52 слова. А райздравом, к которым эта телеграмма относится, — 30.

Если бы тов. Калинович был, как говорится, подкован по арифметике, он сократил бы текст телеграммы тоже раза в два, сэкономив деньги и время.

П. СОСИН

Невьянск,
Свердловской области

Дорогой Крокодил!

Все знают, что бритвенные лезвия «Стандарт», снискавшие себе

заслуженные проклятия масс бредующихся мужчин, вырабатывает «Мосштамп». Известно, что поганые фонари «Летучая мышь», которые много крови испортили папаницам во время их ледового дрейфа, выпускает завод № 3 «Ленштамп». Можно назвать еще несколько предприятий, пользующихся столь же незавидной популярностью. Но на этом пиру печальной славы почему-то обойден московский тубный завод Главпарфюмера. При твоей помощи спешим восполнить этот досадный пробел и приглашаем московский тубный завод занять почетное место среди испытанных и знаменитых бракоделов. Он его вполне заслужил.

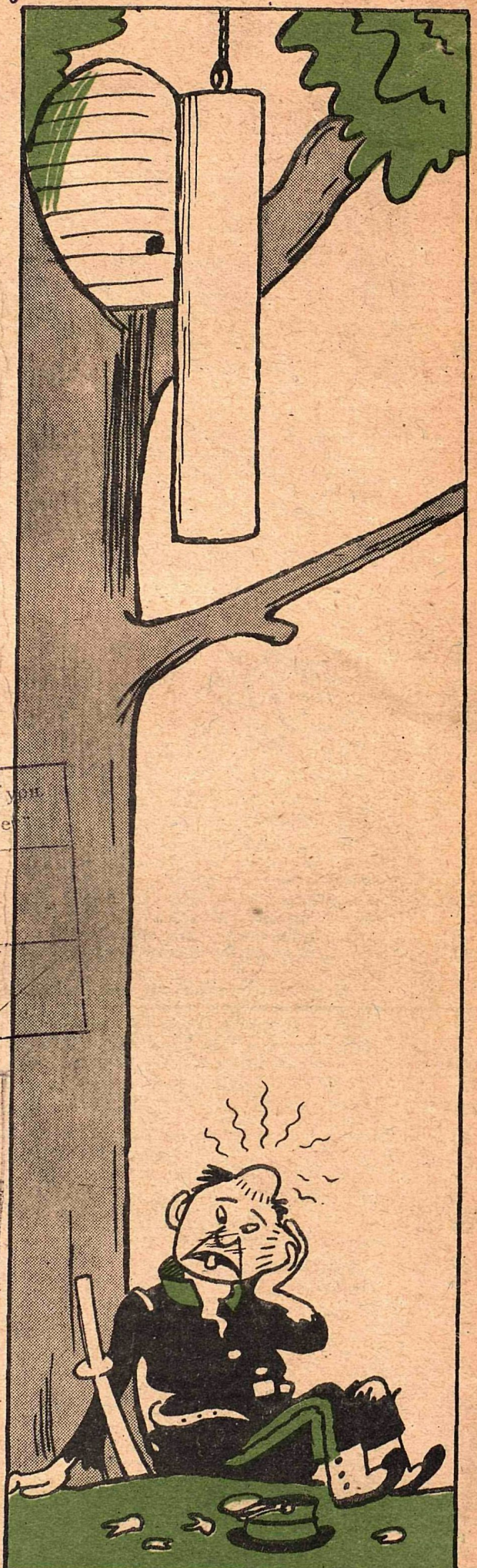
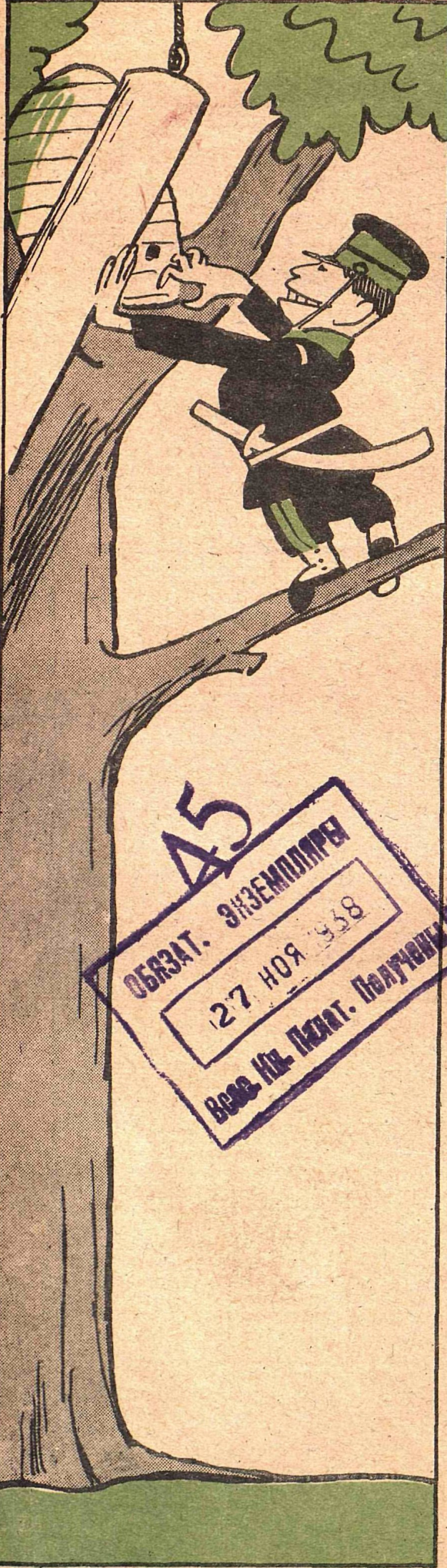
На нашем заводе бывали случаи, когда уже расфасованные по тубам краски приходилось выдавливать назад потому, что тубы московского завода оказывались покрытыми мелкими, незаметными дырочками. 10 июля завод вынужден был целиком забраковать партию дырявых мятых туб (более 60 тысяч штук).

Главпарфюмер, видимо, знает, что его московский завод вырабатывает почти сплошной брак, губит и портит дефицитные свинец и олово, но никаких мер не принимает, сохраняя поразительное хладнокровие. Чего там беспокоиться? Тубный завод — монополист: какую он продукцию вырабатывает, такая и разойдется.

Д. ВАСИЛЬЕВ,

директор завода художественных красок.

Ленинград



Из практики беспокойного и, нечего греха таить, неумного соседа.

Рис. К. Рогова